

История публицистики. Риторика

УДК 82.0:32

DOI: 10.28995/2686-7249-2023-10-63-77

Публицистика и контрпублицистика: о текстологии романа И.А. Ильфа и Е.П. Петрова «Двенадцать стульев»

Давид М. Фельдман

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, dmfeld@inbox.ru*

Аннотация. В статье анализируются политические факторы, обусловившие текстологическую специфику романа И.А. Ильфа и Е.П. Петрова «Двенадцать стульев». Рассмотрена полемика группировки партийной элиты во главе с И.В. Сталиным и так называемой левой оппозиции, которую возглавлял Л.Д. Троцкий. Характеризуются наиболее масштабные цензурные изъятия в изданиях романа 1928–1961 гг. Установлено, что публицистическая компонента, актуальная к началу подготовки журнальной публикации, минимизировалась редакторами и в послесталинскую эпоху.

Ключевые слова: «Двенадцать стульев», Сталин, Троцкий, Бухарин, Томский, оппозиция, Шанхай, Чан Кайши

Для цитирования: Фельдман Д.М. Публицистика и контрпублицистика: о текстологии романа И.А. Ильфа и Е.П. Петрова «Двенадцать стульев» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 10. С. 63–77. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-10-63-77

Publicity and counter-publicity. On the textology of the novel by I.A. Ilf and E.P. Petrov “Dvenadtsat stuliev” (The Twelve Chairs)

David M. Feldman

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
dmfeld@inbox.ru*

Abstract. The article analyzes the political factors that conditioned textological specificity of the novel “Dvenadtsat stuliev” by Ilya Ilf and Evgeny

© Фельдман Д.М., 2023

Petrov. It considers the polemics of the grouping of the party elite led by Stalin and the so-called leftist opposition, led by Lev Trotsky. The most large-scale censorship seizures in the novel editions of 1928–1961 are characterized. It is established that the journalistic component, relevant to the beginning of the preparation of the journal publication, was minimized by the editors in the post-Stalin era.

Keywords: “Dvenadtsat stuliev” (The Twelve Chairs), Stalin, Trotsky, Bukharin, Tomsy, opposition, Shanghai, Chiang Kai-shek

For citation: Feldman, D.M. (2023), “Publicity and counter-publicity. On the textology of the novel by I.A. Ilf and E.P. Petrov ‘Dvenadtsat stuliev’ (The Twelve Chairs)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies”*, no. 10, pp. 63–77, DOI: 10.28995/2686-7249-2023-10-63-77

Вместо пролога

С января 1928 г. в столичном ежемесячнике «30 дней» началась публикация романа «Двенадцать стульев». Завершилась она в июле.

На прилавках книжных магазинов первое отдельное издание романа появилось в том же июле. Опубликовало книгу издательство «Земля и фабрика». Официальное сокращенное именование – «ЗиФ»¹.

Буквально за несколько дней распродан немалый тираж. Однако рецензий было крайне мало. Московские и ленинградские «толстые» журналы: «Красная новь», «Новый мир», «Октябрь», «Звезда» – словно не замечали и вызвавшую колоссальный читательский интерес журнальную публикацию романа, и самую популярную книгу сезона (подробнее см. [Одесский, Фельдман 2000]).

В 1929 г. опубликовано второе издание романа. Опять зифовское².

Тогда комплиментарные рецензии пошли, можно сказать, шквалом. При этом ни один рецензент не упомянул и журнальную публикацию, и первое книжное издание. Обсуждали только второе [Одесский, Фельдман 2017b].

Странность объяснима, если учитывать специфику политического контекста. Он менялся, пока готовилась журнальная публикация романа.

Подготовка ее началась в разгар полемики генерального секретаря ЦК партии И.В. Сталина с его главным конкурентом –

¹ Ильф И., Петров Евг. Двенадцать стульев. М.; Л.: ЗиФ, 1928.

² Ильф И., Петров Евг. Двенадцать стульев. М.; Л.: ЗиФ, 1929.

Л.Д. Троцким. Бывший народный комиссар по военным и морским делам сам характеризовал себя и своих довольно многочисленных сторонников как «левую оппозицию».

Термин «левые» использовался в традиционном значении: истинные революционеры, противостоящие бюрократившимся администраторам, «правым», не желающим перемен. Но прессу уже полностью контролировал генсек, и его союзником стал Н.И. Бухарин, считавшийся идеологом так называемой новой экономической политики. В общественном сознании всеми силами пропаганды утверждалось: ЦК партии – гарант мира и стабильности, оппозиционерам же не по нраву мирная работа, потому они и рассуждают о разложении партийной элиты, предавшей идею «мировой революции».

К 1927 г. очевидна была победа сталинской группировки. Однако из-за провала советской политики в Китае авторитет генсека оказался под угрозой.

В Китае шла гражданская война. Правительство опиралось на так называемую национально-демократическую партию – Гоминьдан. Она блокировалась с местными коммунистами, а те выполняли указания советского руководства, снабжавшего их оружием, деньгами, присылавшего опытных военных советников. Гоминьдановские войска под командованием генерала Чан Кайши, тесня сепаратистов англо-американской и японской ориентации, приближались к Шанхаю, где были иностранные кварталы, объединенные в Международный сеттлмент. Там – резидентурные центры, ликвидация которых могла бы способствовать восстаниям по всей стране.

В марте 1927 г. гоминьдановцы заняли Шанхай, где коммунисты уже руководили восстанием. К 14 апреля оно было подавлено по приказу Чан Кайши. На следующий день началась советская пропагандистская кампания, в ходе которой генералу инкриминировалось вероломство. Тон задавала статья в «Правде»: «Шанхайский переворот».

Лидеры оппозиции воспользовались провалом сталинской политики. Даже обратились к ЦК партии официально, предупреждая о неминуемой, по их словам, угрозе – консолидации внешних врагов: «Поражение китайской революции может чрезвычайно приблизить войну против СССР»³.

Опасность, настаивали оппозиционеры, усугублялась еще и тем, что нэп множит внутренних врагов. Значит, при интервенции неизбежны восстания.

³ См.: Архив Троцкого: Коммунистическая оппозиция в СССР: 1923–1927. М.: Терра, 1990. Т. 3. С. 61.

Аргументы «левой оппозиции» было бы легко опровергнуть. Ссылаясь, во-первых, на то, что «мировая революция» вообще маловероятна и «шанхайский переворот» означает лишь потерю средств, потраченных на «большевизацию» Китая. Во-вторых, доказывая, что политический маневр Чан Кайши не может обусловить вторжение европейских армий, поддержанное внутренними врагами советского режима. Однако такие доводы подразумевали бы отказ правительства от собственной политической аксиоматики. Необходимость партийной диктатуры пропагандистски обосновывалась наличием постоянной внешнеполитической угрозы и происками внутренних врагов [Одесский, Фельдман 2012].

Пришлось обходиться экивоками. Сталинские пропагандисты утверждали, во-первых, что «мировая революция» остается актуальной задачей, только решить ее удастся не вскоре, но и раньше победа была не близка. Во-вторых, доказывали: как раз сейчас международное положение СССР вполне стабильно, Красная армия сильна, потому внешние враги не решатся напасть, а внутренних немного и они давно обессилены.

Главное же постулировалось: аргументация оппозиционеров нелепа, она достойна только осмеяния. Такой установке вполне соответствовал замысел романа «Двенадцать стульев».

Начинается романное действие 15 апреля 1927 г., когда газеты сообщили о «шанхайском перевороте», а «левая оппозиция» активизировала полемику с официальным партийным руководством. Как раз тогда бывшему помещику Ипполиту Воробьянинову умирающая теща сообщила, что после установления советского режима, когда им пришлось спешно покинуть родной город, она зашила фамильные бриллианты под сиденье одного из двенадцати стульев гарнитура, который остался в родовом особняке.

Тайну эту перед смертью теща Воробьянинова сообщила на исповеди священнику Федору Вострикову. Он стал конкурентом бывшего помещика, а к тому вскоре присоединился профессиональный мошенник Остап Бендер. Кладоискатели заведомо чужды советской действительности. Цель каждого – жить богато, праздно, как это было возможно в досоветскую эпоху.

Немало внимания в романе уделено теме заговора противников советского режима. Это дворяне, купцы, так называемые бывшие. Предавшись мечтам о возвращении прошлого, они вскоре осознают бесплодность замысла и наперегонки бросаются к следователям – каяться, вымаливать прощение.

Финал романа демонстрирует поражение кладоискателей. Не ими обнаруженные сокровища пошли на строительство клуба железнодорожников. Завершается роман осенью 1927 г.

Читатели-современники помнили: в ноябре 1927 г. Троцкий исключен из партии. На состоявшемся в декабре XV партийном съезде было принято решение продолжать нэп, большинство оппозиционеров уже отсеклось от прежних лозунгов, и это трактовалось как отказ от плана вернуть прошлое.

Ильф и Петров приняли участие в политической интриге. Скорее всего, руководствовались теми же соображениями, что и ряд других писателей. Многие тогда верили: с отстранением Троцкого от власти нэп утвердится, уровень жизни будет по-прежнему расти [Одесский, Фельдман 2017а].

Судя по рукописям Ильфа и Петрова, роман, заверченный в январе 1928 г., изобилует не только политическими аллюзиями. Явной для читателей-современников была литературная полемика, и все это складывалось в единую систему, каждый элемент ее композиционно обусловлен⁴. Но политический контекст изменился. Согласно новым пропагандистским установкам, нэп уже мешал социалистическим преобразованиям, и врагами оказались сторонники прежнего курса, недавние союзники генсека. Их Сталин назвал «правой оппозицией». Лидером ее был объявлен Бухарин. Тема «шанхайского переворота» деактуализировалась.

Роман был все-таки издан, потому что главная идеологическая установка, реализованная Ильфом и Петровым, оставалась актуальной: советский режим стабилен, и смешны чьи-либо надежды вернуть прошлое. Вот только критики оказались в сложном положении: рискованно бранить книгу – в «левые» попадешь, и хвалить опасно: «правым» сочтут. Потому и рецензий было мало.

В 1929 г. роман был вновь переиздан, хоть и опять с редакторской правкой. Новую установку для критиков эмблематизировала опубликованная «Литературной газетой» 17 июня статья А.К. Тарасенкова «Книга, о которой не пишут».

Подразумевалось, что прежних рецензий словно и не было, упоминать их не следует. Именно поэтому критики и обсуждали только второе зифовское издание. В каждой публикации романа были новые сокращения цензурного характера. Своего рода контрпублицистика. Еще и редакторы вносили стилистические изменения по собственному вкусу. Масштабная правка внесена при подготовке четырехтомного собрания сочинений Ильфа и Петрова. Роман «Двенадцать стульев» – в первом томе. Он издан в 1938 г.⁵

⁴ Далее цит. по: РГАЛИ. Ф. 1821. Оп. 1. Ед. хр. 31–33.

⁵ *Ильф И.А., Петров Е.П.* Двенадцать стульев // Ильф И.А., Петров Е.П. Собр. соч.: В 4 т. М.: Советский писатель, 1938. Т. 1.

Ильф умер от туберкулеза в 1937 г. Петров через пять лет погиб в авиакатастрофе. Соответственно, публикация романа в 1938 г. считается последней прижизненной. Эта версия, по советской эдиционной традиции, признана отражающей последнюю волю авторов.

Но роман правили и когда уже не было обоих соавторов. Итоговая правка – для второго собрания сочинений Ильфа и Петрова. Оно издано в 1961 г.⁶

Исходный объем романа сократился почти на треть, а некоторые шутки соавторов утратили смысл. В данной статье рассматриваются лишь самые крупные цензурные изъятия и курьезные результаты вкусовой редакторской правки – от рукописи до издания 1961 г.

Без экскурса в прошлое

Готовя журнальную публикацию романа, авторы разделили главу о досоветской биографии Воробьянинова на две: «Бойкий мальчик» и «Продолжение предыдущей». Обе удалил редактор. В результате бывший помещик выглядел лишь карикатурно, что соответствовало актуальной тогда идеологической установке: только сатира, никакого сочувствия.

Так и осталась вне романного повествования история Елены Боур, жены прокурора, которой восхищались все его подчиненные, а секретарь суда даже стихи ей посвятил. В нее и влюбился Воробьянинов, увел от мужа, добивался развода, правда, безуспешно.

История продолжена в главе «Слесарь, попугай и гадалка». В рукописи о давней любовнице Воробьянинова сказано: «Она шла по двору, и если бы Ипполит Матвеевич увидел ее сейчас, то никогда не узнал бы Елену Боур, красавицу-прокуроршу, о которой секретарь суда когда-то сказал стихами, что она “к поцелуям зовущая, вся такая воздушная”». Но журнальным читателям не было известно даже о знакомстве Воробьянинова с Боур. Аналогично – про ее мужа и опус «секретаря суда».

Пришлось редактору опять внести правку. Новый вариант: «Она была старухой, и если бы Ипполит Матвеевич увидел ее сейчас, то никогда бы не узнал Елену Боур, красавицу-прокуроршу, многолюбимую им Елену, о которой секретарь суда когда-то сказал стихами, что она “К поцелуям зовущая, вся такая воздушная”»⁷.

⁶ Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев // Ильф И.А., Петров Е.П. Собр. соч.: В 5 т. М.: ГИХЛ, 1961. Т. 2. С. 27–382.

⁷ Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев // 30 дней. 1928. № 2. С. 40.

Ясности не прибавилось. Читателям оставалось лишь гадать, почему Боур для Воробьянинова – «многолюбимая», да еще и «прокурорша», воспетая «секретарем суда».

Редактор первого книжного издания попытался устранить ошибки предшественника. Две удаленные главы не вернул, но переписал цитированный выше фрагмент. Итоговый вариант: «Если бы Ипполит Матвеевич увидел ее сейчас, то он никогда не узнал бы Елены Боур, старой своей возлюбленной, о которой секретарь суда когда-то сказал стихами, что она “к поцелуям зовущая, вся такая воздушная”»⁸.

После такой правки читатели могли хотя бы отчасти уяснить, что за отношения когда-то связывали Воробьянинова и Боур. Только нельзя было даже угадать, при чем тут «секретарь суда».

Не менее курьезный пример – глава «Бойкий мальчик». Начинается она с описания скандала, который зимой 1913 г. учинил Воробьянинов, уездный предводитель дворянства в ту пору. Он скандалил в кафешантане. Последствия – штраф и «статья в местной либеральной газете “Общественная мысль” под осторожным заглавием “Приключения предводителя”».

За это поплатился фельетонист, использовавший псевдонимом «Принц Датский». Он вскоре уже «сидел в приемной градоначальника и, смущаясь, думал о том, как он, заикающийся настолько, что его не смогли излечить даже курсы профессора Файнштейна, будет объясняться с градоначальником...»

Многие одесситы еще помнили в 1928 г. досоветскую газетную рекламу курсов С.Д. Файнштейна. Тот был известен как психолог и педагог, но, согласно романному повествованию, не сумел помочь журналисту.

Принято считать, что у «Принца Датского» был прототип. Таковым мемуаристами и вслед за ними некоторыми литературоведами объявлен популярнейший с 1900-х гг. одесский журналист Б.Д. Флит.

Согласно ряду мемуарных свидетельств, Флит заикался. Правда, он не использовал псевдоним «Принц Датский» и журналистом, в отличие от вымышленного коллеги, был талантливым, всероссийски известным [Киянская, Яворская 2018].

Флит с 1920 г. стал одесским корреспондентом «Огонька», затем и переехал в Москву. Работал в журнале «Крокодил». Печатался также в других периодических изданиях, стал популярным как прозаик и драматург.

⁸ Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев. М.; Л.: ЗиФ, 1928. С. 86.

Когда редакцию журнала «Крокодил» переформировывали в 1933 г., Флит ушел, не дожидаясь увольнения. Работал в отраслевой периодике.

Арестован Флит в 1935 г. Инкриминирована так называемая контрреволюционная пропаганда. Осужден, приговор – трехлетняя ссылка. Жил в Оренбурге, был рабочим на одном из городских предприятий. Вторично арестован в 1937 г., тогда же осужден и расстрелян. Официально признан невиновным двадцать лет спустя.

Деятельность его вымышленного коллеги, относящуюся уже к советскому периоду, авторы характеризовали в главе «Дышите глубже, вы взволнованы!». Пока вернувшийся в родной город Воробьянинов разыскивал вместе с Бендером следы пропавшего гарнитура, начался митинг по случаю пуска трамвайной линии, а на торжестве надлежало присутствовать журналистам. Согласно рукописи, «Принц Датский обменивался спотыкающимися фразами с собратом по перу». Эта глава почти что полностью удалена журнальным редактором. Соответственно, ему не понадобилось объяснять, кто такой «Принц Датский» и почему его фразы были «спотыкающимися». Но в первом книжном издании авторам удалось отстоять эту главу. Редактору пришлось вносить правку. Итоговый вариант: «Принц Датский, заикаясь, обменивался фразами с собратом по перу»⁹.

Правка не помогла. Осталось неясным, почему журналист вдруг стал заикаться, ведь раньше – в той же главе – не было упомянуто заикание.

В следующее книжное издание авторам опять не удалось включить удаленные главы о Воробьянинове. Но под общим заглавием – «Прошлое регистратора загса» – они напечатаны в октябрьском номере журнала «30 дней» за 1929 г. Разумеется, после редакторской правки¹⁰.

Журнальная публикация снабжена предисловием. Там, кроме прочего, указано, что печатается не издававшаяся глава романа «Двенадцать стульев»¹¹.

Ни в одно из советских изданий романа так называемая глава не вошла. Однако вторично была опубликована в двадцать четвертом номере журнала «Крокодил» за 1957 г.¹²

⁹ Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев. М.; Л.: ЗиФ, 1928. С. 128.

¹⁰ См.: Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев // 30 дней. 1929. № 10. С. 62–71.

¹¹ См.: [От редакции] // 30 дней. 1929. № 10. С. 62.

¹² См.: Ильф И.А., Петров Е.П. Прошлое регистратора загса // Крокодил. 1957. № 24. С. 7–10.

Редакция не объяснила, где обнаружена «глава» и почему она не включена в издания романа. Источником же была публикация 1929 г., и в этот текст редактор журнала «Крокодил» внес свою вкусовую правку.

В собрание сочинений 1961 г. включена так называемая глава «Прошлые регистратора загса». Она – в первом томе, где и сам роман «Двенадцать стульев»¹³. Но помещена она в разделе «Приложение». Там указано: «Печатается по тексту журнала “30 дней”»¹⁴.

На самом деле источник – публикация в журнале «Крокодил». В этот текст редактор собрания сочинений добавил свою вкусовую правку.

Своевременно и не ко времени

Одна из весьма значительных компонент романа, завершённого в январе 1928 г., – пародии на известных писателей и режиссёров. Но стараниями редакторов количество пародийных эпизодов минимизировалось.

Характерный пример – глава «Могучая кучка или золотоискатели». Двухчастное название было, во-первых, аллюзией на историю хрестоматийно известного содружества русских композиторов, авторов классических опер. Во-вторых, обозначало специфику целеполагания тех, о ком шло повествование.

Цель их, разумеется, нажива. Однако соседям по коммунальной квартире – двум бездарным литераторам и столь же одарённому композитору – нажиться пока не удавалось. Не было у них золотых идей. Пришлось ориентироваться на слухи: появились в Москве некие преступники, крадущие или буквально раздирающие стулья.

Вот тогда три соседа и решают написать оперу, соответствующую, по их мнению, актуальным пропагандистским установкам. Чаемая перспектива – большие гонорары. Сюжет намечен: «Советский изобретатель изобрёл луч смерти и запрятал чертежи в стул. И умер. Жена ничего не знала и распродала стулья. А фашисты узнали и стали разыскивать стулья. А комсомолец узнал про стулья и началась борьба».

Идея «луча смерти» новой, разумеется, не была. Едва ли не первым использовал её Г. Уэллс, опубликовавший в 1897 г. роман

¹³ См.: Ильф И.А., Петров Е.П. Собр. соч.: В 5 т. М.: ГИХЛ, 1961. Т. 2. С. 531–548.

¹⁴ См.: [От редакции] // Там же. С. 562.

«Война миров». Вскоре тот был издан в Российской империи, перевод З.Н. Журавской¹⁵. Но с пародией Ильфа и Петрова не уэллсовский роман соотносился. Объекты пародирования были очевидны современникам.

В 1925–1927 гг. журнал «Красная новь» печатал роман А.Н. Толстого «Гиперболоид инженера Гарина», затем вышло и отдельное издание. Проблематика – фантастические события планетарного масштаба, обусловленные изобретением смертоносного луча¹⁶.

Аналогична и проблематика вышедшего на экраны в 1925 г. фильма Л.В. Кулешова по сценарию В.И. Пудовкина – «Луч смерти». Такое название дают своей опере и «золотоискатели». Они следуют кинообразцу, потому в их опусе русскому ученому препятствуют фашисты.

Понятия «фашизм» и «фашистский» стали обиходными в советской периодике с 1919 г. Тогда это были характеристики военизированной организации, созданной под руководством Б. Муссолини: «Итальянский боевой союз» – *Fasci italiani di combattimento*.

Название движению и дало слово *fasci* в значении «союз», «связка». Местные отделения получили название «фаши». В 1921 г. было изменено название организации, фактически захватывавшей государственную власть. Этот вариант обозначал иной статус: «Национальная фашистская партия» – *Partito Nazionale Fascista*.

Обновленное название символизировало общенациональное единство. Прежде всего – готовность защищать интересы государства любыми доступными средствами. В отечественной же периодике тема обличения сторонников Муссолини стала дежурной из-за гонений фашистской администрации на социалистов и коммунистов. К 1927 г. Италия считалась одним из потенциальных противников СССР. Но опера азартных «золотоискателей» – пародия многоаспектная. Главным объектом иронического переосмысления стал роман А. Белого «Москва». Это манифестировалось жанровой спецификой книги, выдержавший к осени 1927 г. два издания. Сюжет вполне соответствовал детективным канонам: смертоносный луч создан рассеянным профессором, он прячет техническую документацию между страницами книг, их распродает беспечный профессорский сын, а покупает, разумеется, эмиссар иностранной разведки, и за изобретение русского ученого идет борьба сил добра и зла.

¹⁵ См.: Уэллс Г. Война миров. СПб.: Тип. И.В. Скороходова, 1898. 88 с.

¹⁶ См.: Толстой А.Н. Гиперболоид инженера Гарина // Толстой А.Н. Собр. соч.: В 15 т. М.; Л.: ГИЗ, 1927. Т. 10. 239 с.

В политизированной опере «золотоискателей» враги советского ученого еще и масоны. Один из них даже «гроссмейстер фашистского ордена». Такое сочетание заведомо абсурдно: как раз Муссолини заслужил репутацию ярого гонителя масонов. Нелепа и характеристика другого персонажа оперы – «фашистский принц». Зато прагматика и в данном случае была очевидна современникам. Как враги СССР объединены фашисты, аристократы и масоны.

Разумеется, они шпионы. Это очередное указание на главный объект пародии. В романе «Москва» иностранный резидент – главный враг русского ученого – масон, встречавшийся с Муссолини «в масонских кругах».

Ильф и Петров не раз подчеркнули, что создатели политизированной оперы выбирают тему шпионажа по соображениям конъюнктуры. Но «золотоискатели» и тут ошибаются: в контексте полемики с «левой оппозицией» рассуждения о военной угрозе стали нежелательными именно с точки зрения официальной пропаганды. Таким образом, сюжет романа «Москва» интерпретирован как неуклюжая попытка Белого следовать пропагандистским установкам, которые устарели к маю 1927 г.

К 1928 г. завершен разгром «левой оппозиции», но еще разрешалось высмеивать рассуждения оппозиционеров о внешних и внутренних противниках советского режима. Соответственно, глава «Могучая кучка или золотоискатели» есть в журнальной публикации¹⁷.

Почти одновременно готовилось первое книжное издание. В него тоже включена глава о бездарных конформистах¹⁸. Нет ее в следующем издании. Уже весной 1928 г. стало весьма интенсивным советско-итальянское военно-техническое сотрудничество, и цензоры получили новые директивы.

Позже и некоторые другие шутки авторов романа, считавшиеся ранее вполне уместными и своевременными, оказались не ко времени. Характерный пример – глава «Муза дальних странствий».

Согласно рукописи, там впервые упомянуты события в Шанхае 14 апреля 1927 г.: два жителя уездного города обсуждают газетные новости, речь идет о перспективах Международного селтльмента и дальнейшего наступления гоминьдановцев. Обсуждение внеэмоционально, потому что к советской повседневности тема не имеет отношения.

¹⁷ См.: *Ильф И.А., Петров Е.П.* Двенадцать стульев // 30 дней. 1928. № 4. С. 55–58.

¹⁸ См.: *Ильф И.А., Петров Е.П.* Двенадцать стульев. М.; Л.: ЗиФ, 1928. С. 292.

Глава «Муза дальних странствий» впервые опубликована в январском номере журнала «30 дней» за 1928 г. Фразы, относящиеся к обсуждению «шанхайского переворота» и гоминьдановского наступления, туда включены¹⁹. Не изменилась цензурная установка и когда шла редакционная подготовка первого книжного издания. Там остались фразы о китайских событиях²⁰.

В пяти следующих изданиях – до 1934 г. включительно – они тоже остались. Тема еще не стала запретной²¹. Однако в издании 1935 г. диалог сократился: удален фрагмент, относящийся к «шанхайскому перевороту». Осталась лишь оценка перспектив гоминьдановского наступления²².

В следующих изданиях нет и фразы о наступлении гоминьдановцев весной 1927 г. Неуместным стало даже обозначение темы «шанхайского переворота», т. е. провала советской политики в Китае.

Намеки же на аргументы «левой оппозиции» стали неуместными еще в ноябре 1927 г. Характерный пример – глава «Слесарь, попугай и гадалка».

Там, согласно рукописи, Боур, нелегально зарабатывающая гаданием, предсказывает будущее одной из клиенток. Гадает и по руке: «Линия жизни простиралась так далеко, что конец ее заехал в пульс, и, если линия говорила правду, – вдова должна была бы дожить до мировой революции».

Начало «мировой революции» авторы романа соотнесли с неопределенно далеким будущим. Правда – в пределах обычной продолжительности человеческой жизни.

Глава «Слесарь, попугай и гадалка» впервые опубликована в февральском номере журнала «30 дней». Но в сцену гадания редактор внес правку. Новый вариант: «Линия жизни простиралась так далеко, что конец ее заехал в пульс, и, если линия говорила правду, – вдова должна была бы дожить до учредительного собрания»²³.

¹⁹ См.: Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев // 30 дней. 1928. № 1. С. 43.

²⁰ См.: Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев. М.; Л.: ЗиФ, 1928. С. 40.

²¹ См.: Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев. М.: Советская литература, 1934. С. 35.

²² См.: Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев // Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев. Золотой теленок. М.: Советский писатель, 1935. С. 26.

²³ Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев // 30 дней. 1928. № 2. С. 38.

Правка обесмыслила шутку авторов романа. Читателям оставалось лишь гадать, о чем идет речь, если всероссийское Учредительное собрание распущено советским правительством в 1918 г.

Редактор первого книжного издания попытался исправить оплошность предшественника. Заменял слова «до учредительного собрания» на «до страшного суда»²⁴.

Яснее не стало. Страшный суд, если верить новому варианту, начнется еще при жизни боуровской клиентки, однако такой срок не обоснован ничем.

Шутка так и осталась обесмысленной. Итогом редактуры в дальнейшем была лишь орфографическая правка. Замена «страшного» на «Страшного»²⁵.

В ходе редактуры удалялись из романа и упоминания о реалиях, не соответствовавших актуальным цензурным установкам. Примечательна с этой точки зрения глава «В театре Колумба», где описаны московские приключения Воробьянинова и Бендера.

Одна из характерных деталей столичного быта весной 1927 г. – описание различных состязаний: легкоатлетических, футбольных и т. д. Потому в рукописи упомянуты велосипедисты, которые «бесшумно летели со стадиона Томского...».

Он был тогда самым большим в Москве. Его официальное название с 1926 г. – «Стадион союза пищевиков имени Томского».

Название выбрано закономерно – по меркам того времени. М.П. Томский был в составе Политбюро ЦК партии, возглавлял Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов.

Председатель ВЦСПС встал на сторону генсека и Бухарина в полемике с «левой оппозицией». Соответственно, в журнальной публикации «стадион Томского» упомянут²⁶. Не изменился статус функционера и когда готовилось первое книжное издание романа. Там «стадион Томского» упомянут²⁷.

В 1930 г. Томский как союзник Бухарина из Политбюро выведен и понижен в должности. Но и тогда не был переименован названный в его честь стадион. Переименован он в 1934 г. Новое официальное название – «стадион Юных пионеров».

²⁴ Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев. М.; Л.: ЗиФ, 1928. С. 88.

²⁵ См.: Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев // Ильф И.А., Петров Е.П. Собр. соч.: В 5 т. М.: ГИХЛ, 1961. Т. 2. С. 95.

²⁶ См.: Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев // 30 дней. 1928. № 4. С. 59.

²⁷ См.: Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев. М.; Л.: ЗиФ, 1928. С. 304.

Сменой названия тогда подразумевалось, что упоминания в печати о проштрафившемся функционере уже нежелательны. Однако в 1935 г. роман «Двенадцать стульев» опять переиздан, и там по-прежнему упомянут «стадион Томского»²⁸.

Цензурско-редакторская оплошность обусловлена техническими факторами. Для книжных переизданий тогда использовалась так называемая расклейка: страницы последней из предшествовавших книг, уже апробированной цензурой, расклеивались на чистые листы для редакторского контроля, расклеено было издание 1934 г., где еще упоминался «стадион Томского», и это осталось незамеченным.

Оплошность была не так уж серьезна – по меркам 1935 г. Томского из партии не исключали, он занимал сравнительно высокую должность.

23 августа 1936 г. «Правда» опубликовала сообщение ЦК партии о самоубийстве Томского. Согласно официальной версии, он принял такое решение, потому что не прекратил связи с оппозицией, переродившейся в террористическую организацию.

В издании 1938 г. упоминания о Томском нет. Сообщается там, что велосипедисты «бесшумно неслись со стадиона “Юных пионеров”...»²⁹. Не было такого названия, когда Ильф и Петров закончили роман «Двенадцать стульев». Редактор о том не мог не знать, он следовал цензурной установке. Вымышленные обвинения с Томского сняты в конце 1950-х гг. Но и позже в советских изданиях романа фигурирует «стадион “Юных пионеров”».

Случай отнюдь не исключительный. Подводя итоги, можно отметить, что при каждом советском переиздании романа «Двенадцать стульев» редакторы оставляли прежнюю цензурную правку, даже если она противоречила здравому смыслу.

Литература

- Киянская, Яворская 2018 – Киянская О.И., Яворская Е.Л. Одесский журнал «Бомба»: из материалов уголовного дела Бориса Флита // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2018. № 1. С. 23–30.
- Одесский, Фельдман 2000 – Одесский М.П., Фельдман Д.М. Легенда о великом комбинаторе: В 3 ч., с прологом и эпилогом // Ильф И.А., Петров Е.П. Золотой теленок. М.: Вагриус, 2000. С. 25–46.

²⁸ См.: Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев // Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев. Золотой теленок. М.: Советский писатель, 1935. С. 183.

²⁹ Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев // Ильф И.А., Петров Е.П. Собр. соч.: В 4 т. М.: Советский писатель, 1938. Т. 1. С. 353.

- Одесский, Фельдман 2012 – *Одесский М.П., Фельдман Д.М.* Поэтика власти: Тираноборчество. Террор. Революция. М.: РОССПЭН, 2012. 262 с.
- Одесский, Фельдман 2017a – *Одесский М.П., Фельдман Д.М.* История легенды: Роман «Двенадцать стульев» в литературно-политическом контексте эпохи // Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев. М.: АСТ, 2017. С. 413–618.
- Одесский, Фельдман 2017b – *Одесский М.П., Фельдман Д.М.* Роман «Золотой теленок» в литературно-политическом контексте эпохи // Ильф И.А. Петров Е.П. Золотой теленок. М.: АСТ, 2017. С. 409–556.

References

- Kiyanskaya, O.I. and Yavorskaya, E.L. (2018), “Odessa magazine ‘Bomba’ (Bomb). From the materials of the criminal case of Boris Fleet”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies”*, no. 1, pp. 23–30.
- Odesskii, M.P. and Feldman, D.M. (2000), “The legend of the Great Combinator (in three parts, with prologue and epilogue”, in Ilf, I.A. and Petrov, E.P. *Zolotoi Telenok* [The Little Golden Calf], Vagrius, Moscow, Russia, pp. 25–46.
- Odesskii, M.P. and Feldman, D.M. (2012), *Poetika vlasti: Tiranoborchestvo. Terror. Revolyutsiya* [Poetics of power. Tyrannoclasm. Terror. Revolution], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Odesskii, M.P. and Feldman, D.M. (2017), “The history of the legend. The novel ‘Dvenadtsat stuliev’ in the literary and political context of the Epoch”, in Ilf, I.A. and Petrov, E.P. *Dvenadtsat stuliev* [The Twelve Chairs], AST, Moscow, Russia, pp. 413–618.
- Odesskii, M.P. and Feldman, D.M. (2017), “The novel ‘Zolotoi Telenok’ in the literary and political context of the epoch”, in Ilf, I.A. and Petrov, E.P. *Zolotoi Telenok* [The Little Golden Calf], AST, Moscow, Russia, pp. 409–556.

Информация об авторе

Давид М. Фельдман, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; dmfeld@inbox.ru

Information about the author

David M. Feldman, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; dmfeld@inbox.ru